УДК 316.485.26 + 316.485.6 + 355.01

Н. А. Комлева

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА

В статье впервые в русскоязычной научной литературе гибридная война рассматривается как исключительно геополитическое явление, в своем полном объеме не определяемое в иных исследовательских парадигмах. Проблема изучается в рамках методологии геополитического реализма. Автор полагает, что сущностью гибридной войны является совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение, причем агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно. Вычленяются основные технологии гибридной войны и ее ключевые акторы. Автор высказывает свою точку зрения на способы противодействия актам гибридной войны, ведущейся против России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: война, гибридная война, акторы гибридной войны, технологии гибридной войны, способы противодействия актам гибридной войны.

Сущность феномена «война» определяется в толковом словаре В. И. Даля (первое издание, 1863–1866) следующим образом: «ВОЙНА ж., раздор и ратный бой между государствами, международная брань» [9]. С. И. Ожегов в своем толковом словаре (первое издание — 1949 г.) уже толкует данное понятие несколько иначе, более расширительно: «ВОЙНА ж., вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства» [26]. В политологическом словаре-справочнике, изданном в 2008 г., находим: «ВОЙНА — вооруженное столкновение в ходе разрешения конфликтов, форма разрешения политического конфликта путем применения насилия» [19]. Как видим, в нашем веке, в отличие от столетий XIX и XX, *войной принято называть вооруженное разрешение политических конфликтов любой природы*.

Необходимо отметить при этом, что существительное «война» в течение последней четверти века постоянно обрастает прилагательными, меняющимися с довольно высокой скоростью: асимметричная, преэмптивная, сетевая, сетецентрическая, нелинейная, бесконтактная, непрямая, неконвенциональная, информационная, психологическая, прокси-война, хаос-война и, наконец, гибридная.

© Комлева Н. А., 2017

Большая изменчивость прилагательных при неизменности существительного «война» говорит о высокой степени конфликтности общества как на глобальном, так и на региональном и локальном уровнях функционирования.

В чем причина возросшего уровня социальной и межгосударственной конфликтности? По нашему мнению, таких причин несколько: 1) вследствие исчезновения мировой системы социализма возникла проблема передела постсоциалистического и постсоветского пространства между державами-победительницами в холодной войне (1946–1991), что определило высокий уровень конфликтности в целом ряде «больших регионов» (Восточная Европа, Центрально-Азиатский регион, Большой Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Северная и Центральная Африка); 2) США, стремясь сохранить свое монопольное глобальное лидерство, прилагают усилия для подавления развития региональных сверхдержав, в том числе и путем поощрения сепаратизма и терроризма на их территории, вовлечения данных государств в «конфликты малой интенсивности», организации «цветных революций» и «гуманитарных интервенций» (см. об этом, в частности, [18, 23, 29]); 3) «социальное государство» стран Запада, сформировавшееся в период борьбы двух систем, в том числе их соревнования в сфере социальной защиты, постепенно теряет свои позиции (см. об этом, например, [20, 15]), что вызывает недовольство некоторых слоев населения (мигранты, «новые бедные») и попытки организовать массовые беспорядки с требованием возврата к полномасштабным формам социальной защиты.

В последнее десятилетие к этим причинам добавилась еще одна, которая и является одним из базовых факторов возникновения феномена гибридных войн: переход современной России в статус великой державы и предпринимаемые ею в связи с этим попытки возврата в свои прежние лимитрофы (контролируемые пространства), в настоящее время уже имеющие других «хозяев» (подробнее об этом см. [10]).

Понятие *гибридной*[1] *войны* используется с 2001 г., когда в англоязычной научной литературе появляется первое упоминание об этом типе войны [35, *175*]. С середины первого десятилетия текущего века термин «гибридная война» постоянно употребляется в работах таких англоязычных авторов, как Фрэнк Хоффман, Дэвид Килкаллен, Билл Немет, Джон Маккуэн, Натан Фрейер, Прашант Парамесваран. Гибридная война понимается данными авторами как сочетание регулярных и иррегулярных форм ведения боевых действий (см, например, [33]). Под иррегулярными боевыми действиями в данном случае понимаются операции, осуществляемые террористическими организациями. Таким образом, акторами гибридной войны признаются как государственные, так и негосударственные структуры [Там же].

В русскоязычной научной литературе толкование гибридной войны гораздо более расширительное. Сферой гибридного противоборства полагаются все основные сферы жизнедеятельности общества (см., в частности, [7]). При

[1] Понятие «гибрид» пришло из биологии, где означало животное или растение, полученное в результате скрещивания генетически различающихся особей [27]. В прочих науках означает объект, полученный сочетанием разнородных частей.

этом исследователи данной проблемы, предлагая свои определения понятия «гибридная война», дают исключительно дескриптивные дефиниции, подробно перечисляя признаки гибридной войны в различных сегментах общественной жизни. По нашему мнению, это проистекает из имплицитно присутствующей в каждом исследовании гибридной войны опорной максимы К. Клаузевица о войне как о продолжении политики другими средствами. Однако представляется, что позиционирование гибридной войны как феномена, принадлежащего исключительно сфере политики, неправомерно и потому продуцирует многочисленные дефиниции экзистенциального толка (перечисление параметров существования), никак не завершаясь формулированием дефиниции ессенциальной (указание на сущность феномена).

По нашему мнению, *гибридная война представляет собой исключительно геополитическое явление, в своем полном объеме не определяемое в иных исследовательских парадигмах*.

Гибридная война — это совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно.

Основными геополитическими пространствами автор данной статьи полагает следующие: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое. В каждом типе геополитического пространства способы ведения гибридной войны различаются в соответствии с природой данного типа пространства.

Основные способы ведения гибридной войны *в географическом пространстве*: 1) локальные «традиционные» войны в ресурсных регионах страны–объекта агрессии, вовлечение данной страны в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру ее границ; 2) «цветные революции»[2], то есть государственные перевороты в стране–объекте агрессии и в государствах, являющихся ее геополитическими союзниками; 3) поощрение сепаратизма в стране–объекте агрессии.

Все перечисленные технологии применяются к современной России. В конце 90-х — начале 2000-х гг. страны Запада и их союзники, страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Иордания, ОАЭ), спонсировали террористическую войну (термин С. Иванова, тогдашнего министра обороны РФ) на российском Северном Кавказе в финансовом отношении, поставляли в регион наемников, военных советников, современное вооружение. Террористическая война была составной частью сепаратизма так называемой Республики Ичкерия, образованной на большей части Чеченской Республики в составе России, а также определенных сил в Республиках Ингушетия, Кабардино-Балкария, Дагестан (проект «Лакской республики»). Попытки осуществить «ромашковую революцию» в Российской Федерации наблюдались в 2003–2008 гг., а также в 2012 г. («белоленточное движение»). «Цветные революции» прошли по Сербии, Украине (дважды), Грузии, Киргизии.

---

[2] О сущности и основных технологиях «цветных революций» см. [14, *406–414*].

Основные способы ведения гибридной войны в *экономическом пространстве*: 1) санкции против отдельных отраслей экономики страны–объекта агрессии, в том числе закрытие для нее международных рынков (или отдельных их сегментов) и блокирование доступа к определенным технологиям; 2) санкции против всех отраслей экономики страны–объекта агрессии в совокупности (экономическая блокада); 3) санкции против ключевых персоналий, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране–объекте агрессии.

В настоящее время Россия находится под экономическими санкциями со стороны США, ЕС, Австралии, Канады, Японии и некоторых других стран, введенных в 2014 г. после присоединения Крыма к России. Под санкциями оказались практически все системообразующие банки страны, нефтедобывающие компании, основные предприятия оборонно-промышленного комплекса. Санкции направлены прежде всего на ключевой сектор российской экономики — нефтяной. Блокируется доступ к технологиям для освоения арктических, сланцевых и трудноизвлекаемых месторождений нефти. Санкции, установленные в отношении российского банковского сектора, затрагивают довольно значительную его часть — более 50 % суммарных активов. Произошло резкое сужение географической и продуктовой диверсификации российского агропродовольственного импорта, ослабление сырьевой и производственной базы пищевых отраслей [21]. Потери от санкций составили в 2015 г. 3,7 % ВВП [30].

Санкции против России пали на «плодородную почву»: страна находилась в чрезмерной зависимости от импорта не только указанных продуктов промышленного производства, но и лекарств, изделий электроники, продовольствия, товаров широкого потребления. Так, в тяжелом машиностроении доля импорта в 2014 г. составила 60–80 %, в станкостроении — свыше 90 %, в радиоэлектронике — 80–90 %, в медицинской промышленности и фармацевтике — 70–80 %, в легкой промышленности — 70–90 %. За период 2000–2014 гг. объем ввозимой продукции увеличился в 8,4 раза [30].

Действуют также персональные санкции против ведущих политиков, банкиров, промышленников страны.

Основные способы ведения гибридной войны в *информационно-идеологическом пространстве*: 1) замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества; 2) фальсифицирование истории страны–объекта агрессии; 3) десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны–объекта агрессии; 4) имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик: промискуитета, насилия в отношении слабых и беспомощных, наркомании, инцеста, бытовой и экономической преступности.

Информационно-идеологическое пространство России на рубеже XX–XXI вв. сжалось почти до минимального объема. «Ценности теряют ценность... Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [32, *11*]. Следствием сформированности фактора «общей несчастливой судьбы» — или, в иной терминологии, ощущения перенесенной глубокой

социальной травмы — стала «своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения единой идентичности» [8, *11*]. Имплантация западных идеологических конструктов и западных ментальных ценностей внутрь информационно-идеологического пространства постсоветской России была эффективной, поскольку в том числе строилась на компенсационной технологии преодоления социальной травмы (социальной травмой являлись распад СССР и «шоковая социальная терапия») — так называемой инновационной стратегии, состоящей в быстром восприятии новых навязанных ценностей [1]. «Главная тенденция, отмеченная в последние годы, — рост числа людей с индивидуалистическими ориентациями. Если в 2008 г. в целом по стране преобладали представители социальных ориентаций, то к 2012 г. ситуация сменилась на противоположную. По словам исследователей, сдвиг происходит во многом за счет более молодых поколений, ценности которых сформировались под влиянием мощных политических, экономических и культурных изменений рубежа 1980–90-х» [3]. В настоящее время «тенденция сохраняется, индивидуалистов в России с каждым годом все больше» [Там же].

Основные способы ведения гибридной войны в *кибернетическом пространстве*: 1) вытеснение программного продукта и кибернетических технологий страны — объекта агрессии с мировых и/или региональных рынков; 2) хакерские атаки против экономических и политических институтов страны — объекта агрессии.

В отношении России применяются и эти способы ведения гибридной войны, однако ради справедливости надо отметить, что российский рынок ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) большим объемом и не обладал. «Доля России на мировом рынке электронной техники и компонентов составляет не более 0,1–0,3 %, на мировом рынке информационных услуг доля России составляет приблизительно 0,2 %. Вклад ИКТ в экономический рост России заметно ниже (приблизительно в три раза!) соответствующих показателей развитых стран» [11, *251*]. При этом «основная часть оборудования, его материальной базы и программных продуктов производятся за рубежом и там закупаются» [Там же, *251*]. В последнем случае экономические санкции, затрудняющие или пресекающие приобретение российскими структурами элементов западной материальной базы ИКТ и западных программных продуктов, особенно действенны в кибернетическом пространстве гибридной войны.

Несмотря на ограниченность сектора международного рынка ИКТ, занимаемого российскими компаниями, их тем не менее вытесняют из этого сектора — в основном под предлогом связи данных компаний с «русской разведкой» или «с Кремлем», что сегодня считается опасным преступлением против национальной безопасности стран Запада. Так, в июне 2017 г. в сенате Конгресса США прозвучало требование запретить Пентагону использовать программы российской «Лаборатории Касперского» [22] именно по той причине, что «Лаборатория» связана «с российским правительством».

Российские банки [31], правительственные структуры подвергаются хакерским атакам в еженедельном или даже ежедневном режиме. «В Кремле заявили, что хакерские атаки фиксируются каждый день, в том числе на сайт

президента» [12]. При этом около 28 % кибератак на российские серверы совершаются с территории Соединенных Штатов [16].

Если говорить о *соотношении военных и невоенных технологий*, используемых в рамках гибридной войны, то, «по данным российского Генштаба, сегодня такое соотношение составляет 1 : 4 в пользу невоенных видов борьбы» [2].

Акторами гибридной войны, по нашему мнению, являются государства, глобальные и транснациональные корпорации, межгосударственные и надгосударственные институты, а также НПО (неправительственные организации).

Особенность гибридной войны в поведенческой сфере состоит в том, что *никаких сдерживающих факторов морального или правового порядка в этой войне для акторов-агрессоров нет*. Главное — результат (разрушение геополитических пространств соперника), а не соблюдение моральных или правовых норм. Эту особенность выделяют почти все исследователи гибридной войны.

Сознательное несоблюдение норм морали, по нашему мнению, продуцируется состоянием психологической ожесточенности конкретного геополитического актора, которое, в свою очередь, имеет причиной реальную опасность утраты наличного геополитического статуса с присущими этому статусу возможностями, совокупной мощью и ресурсами экспансии. Этим «конкретным геополитическим актором» сегодня выступают прежде всего США (см. об этом [4, 24, 28, 29]). Вот почему, в частности, Оперативная концепция армии США «Победа в сложном мире 2020–2040 гг.» (AOC) [37] предполагает готовность американской армии к ведению гибридной войны[3], а одна из публикаций на сайте «NATO Review magazine» содержит утверждение: «Термин “гибридная война”... был воспринят всеми главными военными державами и стал базисом современной военной стратегии... что включает регулярные и иррегулярные, конвенциональные[4] и неконвенциональные тактические методы ведения войны» [34]. Однако невоенные источники, в отличие от военных, содержат расширительное понимание гибридной войны. В частности, в австралийском электронном журнале «The Diplomat» следующим образом определяется структура этого типа войны: применение конвенциональных вооружений, методов иррегулярной войны, терроризма, использование криминальных практик, ненасильственных действий, информационных операций, экономических, финансовых и подрывных политических действий (we ought to pay attention not only to the mix of conventional weapons as well as irregular tactics, terrorism and criminal behavior, but also non-violent actions. These include not just information operations, but also economic, financial and subversive political acts) [36].

Вышеперечисленные методы ведения гибридной войны фактически предполагают включение в состав комбатантов таких неконвенциональных структур, как частные военные компании, незаконные вооруженные формирования террористического характера, структуры организованной преступности (наркокартели

---

[3] При этом AOC утверждает, что гибридная война в качестве важной составляющей включает «традиционные информационные операции, электронную и кибервойну» (traditional information operations, electronic warfare (EW) and cyber warfare are important components of hybrid warfare).

[4] Разрешенные международными конвенциями о правилах ведения «традиционной» войны.

прежде всего), структуры внесистемной радикально-экстремистской оппозиции, подрывные СМИ, подрывные НКО и НПО.

*Каким образом возможно противостоять атакам противника в рамках гибридных войн?*Приведем рекомендацию непопулярного ныне политика Мао Цзедуна (1893–1976)[5], данную, правда, по несколько иному поводу: «Действовать острием против острия». Это и есть сжатая вербальная формула противодействия гибридным угрозам.

В более развернутой форме и применительно к современным условиям данная рекомендация выглядит следующим образом.

В военной сфере: обеспечение сбалансированного развития всех видов и родов войск (сил), освоение высокоточного оружия и современных средств связи, разведки, автоматизированного управления и РЭБ; повышение мобильности сил и средств для осуществления перегруппировок войск на удаленные ТВД; быстрое и решительное реагирование на конфликты, нелинейный характер которого позволяет достигать значительных результатов при относительно небольших возмущающих воздействиях [2].

Подробное изложение военных методов противостояния гибридным войнам можно найти в докладе начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерала армии В. Герасимова на общем собрании Академии военных наук (январь 2013 г.) [6].

В невоенной сфере: обеспечение возможности оперативного сосредоточения критически важных усилий и ресурсов в наиболее угрожаемом месте. Сегодня это фронты информационной и экономической войны и обеспечение кибербезопасности критической инфраструктуры; ведение непрерывной разведки и ее тесное взаимодействие со структурами политического и военного управления с целью оперативного создания и использования преимущества на угрожаемом направлении; наличие качественного кадрового ресурса, способного обеспечить разработку и реализацию стратегии противодействия гибридной войне [2]; разработка российской стратегии контргибридной войны; формирование государственной системы противодействия операциям гибридной войны против руководства и населения России; создание в структуре сил специальных операций Вооруженных сил России и спецслужб подразделений для проведения информационных и психологических операций; разработка российского национального законодательства, направленного на противодействие технологиям гибридной войны, прежде всего «цветным революциям»; выявление, диагностика и блокирование деятельности негативных коммуникаторов, стремящихся подорвать информационный суверенитет России; осуществление постоянного мониторинга блогосферы и социальных сетей в целях блокирования негативной информации, нацеленной на содействие экстремизму и терроризму, межнациональной и межконфессиональной розни; превентивное блокирование всех каналов (финансовых, информационных, организационных) и структур иностранной и олигархической помощи радикальной и экстремистской оппозиции в России; активизация информационного обмена и международного сотрудничества

[5] Председатель КНР в 1954–1959 гг., председатель Компартии Китая в 1943–1976 гг.

с союзниками в военно-силовой, финансово-экономической и информационно-психологической сферах для принятия необходимых мер по выявлению и отражению угроз безопасности России [17].

Правовой аспект гибридной войны характеризуется следующим образом: к гибридной войне невозможно применить современные нормы международного права, определяющие понятие «агрессия», в такой войне не существует понятий «фронт» и «тыл» [2]. Это обстоятельство создает для «государства-мишени» большие трудности в преодолении направленных на него атак гибридного типа.

Для создания российской и международной правовой базы противодействия гибридным войнам можно предложить следующее: разработку юридически точного определения сущности и основных форм ведения гибридной войны; последовательное соблюдение норм существующих международных конвенций по гуманитарному праву и защите культурных объектов в ходе боевых действий; разработку новых международно-правовых документов для противодействия способам ведения гибридной войны в каждом конкретном типе геополитического пространства.

Системная и целенаправленная нейтрализация операций гибридной войны, проводимых против России, требует в том числе создания новой организационной структуры (Бюро контргибридной войны) [17]. Пока Россия, как всегда, «долго запрягает», подобная структура в США уже имеется. Это Бюро противодействия гибридной войне (Hybrid warfare resistance Bureau), созданное в декабре 2015 г. и имеющее официальный статус общественной организации [5]. Любопытно, что собственного сайта в Интернете данная организация не имеет, размещая свою информацию исключительно в социальных сетях.

В любом случае Россия «не должна ограничиваться простым парированием угроз, возникающих в сетецентрической войне со стороны Запада. Одни лишь оборонительные действия и реагирование на шаги противника не будут эффективны и не дадут желаемого результата» [25]. Следовательно, необходима не просто стратегия ответа на гибридные войны со стороны Запада (постоянно запаздывающее реагирование приводит к отставанию и проигрышу), но опережающие действия. И в этом случае важно помнить так называемую максиму Лиддел-Гарта: «Цель войны — добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны. Следовательно, ведя войну, важно постоянно помнить, какой мир вам нужен» [13]. Для победы в гибридной войне, по нашему мнению, прежде всего необходим «большой проект», то есть концептуально-системное изложение основ нового миропорядка, построенного на иных принципах, чем ныне существующий «однополярный» мир. Однако самого по себе глобального проекта, альтернативного существующему, недостаточно, даже если проект детально разработан. Необходим в той же мере проработанный механизм его реализации: ресурсы, акторы, технологии. Системная угроза требует и системного ответа. Находясь внутри чужого глобального проекта, Россия так и будет оставаться «страной-мишенью», реагирующей на угрозы и вызовы «постфактум».

1. *Асташов А. Б.* Историческая травма в социально-политических проектах // Будущее нашего прошлого : материалы науч. конф., Москва, 15–16 июня 2011 г. / отв. ред. А. П. Логунов; Рос. гос. гуманит. ун-т, фак-т истории, политологии и права, каф. истории и теории ист. науки. М., 2011. С. 44–55.

2. *Бартош А.* Гибридная война становится новой формой межгосударственного противоборства // Военное обозрение. 9 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://topwar.ru/112955-gibridnaya-voyna-stanovitsya-novoy-formoy-mezhgosudarstvennogo-protivoborstva.html (дата обращения: 15.05.2017).

3. *Береснева Е.* Ценности россиян — много индивидуализма, мало «ценностей роста» // Научная Россия. 22 августа 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://scientificrussia.ru/articles/tsennosti-rossiyan (дата обращения: 21.05.2017).

4. *Бьюкенен П.* Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова ; послесл. А. Столярова. М. ; СПб., 2003.

5. Бюро противодействия гибридной войне // Hybrid warfare resistance Bureau: [ФБ-аккаунт]. URL: https://www.facebook.com/hwrbureau/ (дата обращения: 18.05.2017).

6. *Герасимов В.* Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL: http://vpk-news.ru/articles/14632 (дата обращения: 15.05.2017).

7. Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2015.

8. *Горшков М. К.* «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социол. исслед. 2012. № 2. С. 3–11.

9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Война [Электронный ресурс]. URL: http://slovardalja.net/word.php?wordid=3577 (дата обращения: 23.05.2017).

10. *Комлева Н. А.* Контракция российского геополитического пространства: основные технологии преодоления // ИНИОН РАН — Россия: ключевые проблемы и решения [Электронный ресурс]. URL: http://www.rkpr.inion.ru/inion/items.html?page=2&category=103&kind=100002298 (дата обращения: 23.06.2017).

11. *Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е.* Анализ качественных особенностей динамики развития российского рынка ИКТ. Структурный подход // Тр. Нижегород. гос. техн. ун-та им. Р. Е. Алексеева. Сер. : Экономика, инновации и менеджмент. 2013. № 3(100). С. 251.

12. *Латухина К.* Дмитрий Песков заявил о хакерских атаках на сайт президента России // Российская газета. 08.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2017/06/08/dmitrij-peskov-zaiavil-o-hakerskih-atakah-na-sajt-prezidenta-rossii.html (дата обращения: 20.05.2017).

13. *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М., 2008.

14. *Манойло А. В.* Роль цветных революций в демонтаже современных политических режимов // Национальная безопасность. 2014. № 3. С. 406–414.

15. *Мартьянов В.* Кризис социального государства и городской креативный класс // [Электронный ресурс]. URL: http://svom.info/entry/631-krizis-socialnogo-gosudarstva-i-gorodskoj-kreativn/ (дата обращения: 20.05.2017).

16. МИД: треть хакерских атак на российские сайты приходятся на США // MK.RU 7 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mk.ru/politics/2017/06/07/mid-tret-khakerskikh-atak-na-rossiyskie-sayty-prikhodyatsya-na-ssha.html (дата обращения: 24.06.2017).

17. *Панарин И. Н.* Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. 2016. № 2. С. 60–65.

18. *Перкинс Дж.* Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М., 2008.

19. *Погорелый Д. Е., Филиппов К. В., Фесенко В. Ю.* Политологический словарь-справочник. Война [Электронный ресурс]. URL: http://www.studfiles.ru/preview/2427088/page:6/ (дата обращения: 17.05.2017).

20. *Попова Е. А.* Кризис социального государства: причины и пути выхода [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2012/01/492 (дата обращения: 21.05.2017).

21. Последствия введенных санкций для экономического развития России // Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» : [сайт]. URL: http://www.rescue.org.ru/publ_1_posledstviya-vvedennyx-sankcii-dlya-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html (дата обращения: 23.06.2017).

22. Сенатор США предложила оградить Пентагон от программ Касперского [Электронный ресурс] // REGNUM. Информационное агентство. 29 июня 2017 г. URL: https://regnum.ru/news/polit/2294260.html (дата обращения: 29.06.2017).

23. Сетевые войны: угроза нового поколения. М., 2009.

24. *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь : пер. с англ. М., 2004.

25. Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. М., 2016.

26. Толковый словарь Ожегова онлайн. Война. URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3653 (дата обращения: 15.05.2017).

27. Толковый словарь Ожегова. Гибрид [Электронный ресурс]. URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5120 (дата обращения: 15.05.2017).

28. *Уткин А. И.* Подъем и падение Запада. М., 2008.

29. *Фридман Дж.* Следующие сто лет: Прогноз событий XXI века / пер. с англ. А. Калинина, В. Нарицы, М. Мацковской. М., 2010.

30. *Хейфец Б. А.* Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России / Институт экономики РАН: [сайт]. URL: http://inecon.org/docs/Kheifets_paper-2016.pdf (дата обращения: 17.05.2017).

31. ЦБ выявил хакерские атаки на российские банки [Электронный ресурс] // Вести FM. 27 июня 2017 г. URL: http://radiovesti.ru/news/661639/ (дата обращения: 28.06.2017).

32. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 6–16.

33. *Frank G. Hoffman.* Conflict in the 21-th Century: the Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, December 2007 [Electronic resource]. URL: www.potomacinstitute.org/images/stories/ publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (accessed: 26.05.2017).

34. Hybrid war — does it even exist? URL: NATO Review magazine [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/docu/Review/2015/Also-in-2015/hybrid-modern-future-warfare-russia-ukraine/EN/ (accessed: 30.05.2017).

35. McGregor Knox and Williamson Murray, Eds. The dynamics of Military Revolution 1300-2050. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.

36. Prashanth Parameswaran. Are We Prepared for 'Hybrid Warfare'? // The Diplomat. February 13, 2015 [Electronic resource]. URL: http://thediplomat.com/2015/02/are-we-prepared-for-hybrid-warfare/ (accessed: 23.06.2017).

37. The US Army Operating Concept (AOC): Win in a Complex World 2020-2040. 7 October 2014 [Electronic resource]. URL: http://www.tradoc.army.mil/tpubs/pams/TP525-3-1.pdf (accessed: 27.06.2017).

Рукопись поступила в редакцию 17 июня 2017 г.